

С чего начать?

Начнём с того, что я умер. Шёл с Анжелой, Купчино, гоп-стоп, сюда подошёл, гопники распускают руки, я огрызаюсь, нож, упал, очнулся — то есть нет, не очнулся. Умер же. Харон, принимай пополнение, такого кадра тебе нарисовали! За девушек заступается, честь их блюдёт, ну прямо паладин!

И вот он, итог моей пьяной глупости, бабочка в кишках, жгучая боль, липкая тьма. Валькирий что-то не вижу, хотя умер в бою. Ах да, точно: у меня ведь ножа не было, для грин-карты Вальхаллы надо с оружием в руках погибнуть. Облом. Гурии мне тоже не светят, а для православного рая слишком мало мучился, обмяк за две минуты. Дурак ты был, Сашка!

Хотя...

Будь я трезвым, всё равно не позволил бы купчинской мразоте лапать мою Анжелу. Любой ценой. Глупость тут ни при чём, просто есть вещи и поважнее жизни.

Ну что ж, Саша, пожил — и хватит с тебя, добро пожаловать в смерть.

Смерть, оказывается, не очень похожа на небытие. Скорее на липкий, беспокойный сон. Снится непонятная муть, которую и кошмаром-то не назовёшь. В ухо бубнят, мешают спать. Жар сменяется ознобом, озноб переходит в онемение, онемение — в жар. И снова по кругу. Ощущение тела то вовсе пропадает, то обостряется до такой степени, что простое касание воздуха кажется нестерпимо болезненным.

— Хватит! — я кричу, надрываясь, но вместо своего привычного голоса слышу бычий рёв. Я пытаюсь ругаться, проклинать, но из моего рта вырывается только низкий вой вперемешку с приступами судорожного кашля. С кашлем из меня вылетает сине-зелёная слизь.

Тембр бубнящего робота меняется, он словно плывёт. Будто плёнку зажевало. Среди мешанины непонятных фраз я различаю знакомые слова.

— Окончания... ..имация... ошибка протокола...

В затылке внезапно будто взрывается бомба, и я снова проваливаюсь во тьму.

...

Следующее пробуждение получилось вполне нормальным. Я открыл глаза, и увидел низкий сводчатый потолок, по которому змеились пыльные кабели и трубы. Опустил взгляд — и наткнулся на выпученные глаза рахитичного подростка. Бледное лицо мальчишки было перекошено ужасом, руками он зажимал рот, как будто боялся закричать.

— Он проснулся! Предок! Проснулся!

Крики были точно не на моём родном языке, но смысл их я понимал. Странно всё это. Однако узнать что происходит и как я здесь оказался, не удалось — стоило только пошевелиться, паренёк сбежал.

Было бы неплохо осмотреться, пока он не привёл сюда хозяина этого заведения. Что я и сделал.

Начал с себя. Благо, что в капсуле, раскрывшейся как скорлупа ореха, я лежал в чём мать

родила. Правда, после беглого осмотра у меня возникли сомнения в том, что это родила моя мама.

То есть, меня-то она родила, но не такого.

Короче, это было не моё тело!

В шоке я щупал твёрдые как камень мышцы на ногах и руках, выпирающие кубики на животе, толстую шею, губы, нос, глаза, уши, череп с коротким ёжиком волос. Нащупал на затылке здоровенные рубцы давно зажившего шрама. Левое ухо повреждено, мочки нет, вокруг него грубые следы ожога. Вскочив, я чуть не упал — настолько непривычно было смотреть на предметы с высоты как минимум сантиметров десять выше моего настоящего роста. Может, тут зеркало есть?

Однако в тесной кладовке с серыми металлическими стенами не оказалось ничего похожего на зеркало. Только ещё три закрытые капсулы, точно такие же как та, из которой я «родился». Капсулы выглядели... интересно? Надо их повнимательнее осмотреть.

Что ещё здесь есть? Деревянное ведро с грязной водой, примитивная швабра с намотанной на перекладину ветошью, видимо, их оставил сбежавший пацанёнок. Примитивная — то есть, буквально две палки, с кое-как обструганными сучками и соединением на самодельных колышках. Ещё здоровенный деревянный короб в углу, наполненный жёлто-оранжевыми корнеплодами, пахнувшими на всю каморку землёй и гнилью. Я нагнулся и осмотрел корнеплоды: почти картошка, только бледная, без кожуры и квадратная. И почти вся покрыта плесенью навряде фитофторы, человеку такое употреблять точно нельзя.

На стенах — тусклая металлическая обшивка, но в некоторых местах плиты сняты, и видно серый от влажности бетон. Стены бетонные, но явно не панельки, сложены из блоков метровой высоты. Проводка не скрытая, гофротрубы с кабелями идут по потолку, водопроводные трубы вдоль стены, в общем, подвал как подвал, самый обычный.

Вот только капсулы здесь совсем не к месту. Та, в которой я очнулся, сочилась белесой жидкостью, но никаких трубок подачи жидкости я не видел, да и вообще ничего нет внутри, только серо-розовый губковидный материал. Две закрытых выглядят так, будто сделаны из стекла и металла, но при этом равномерно сокращаются, будто... дышат? Все капсулы подключены к водопроводу и нескольким кабелям, вот только соединений не видно. Нет, это оборудование явно не сантехники ставили. Разве что инопланетные.

Я поёжился — стоять на холодном полу из металлической рифлёной плитки было неудобно. Осмотрелся ещё раз в поисках того, чем можно было прикрыться. В открытой капсуле, на поверхности из мягкого материала, постепенно теряющего форму моего нового тела, заметил тонкое кольцо из гладкого жёлтого металла. Это было явно не то, что я искал, но раз оно лежало рядом со мной — наверное, не просто так. Поэтому я надел кольцо на мизинец левой руки (больше оно никуда не налезло) и попытался оторвать мягкую обивку моего ложа. Безуспешно.

Придётся встречаться с хозяевами в таком виде. Надеюсь, у них будут ответы на вопросы, которые роились в моей голове. Или хотя бы одежда.

Ждать пришлось недолго. Дверь распахнулась, с оглушительным грохотом впечатавшись в стену, и в каморку влетел давешний пацан. Он споткнулся о ведро и упал, растянувшись в грязной луже перед моими ногами. А в проёме встал грузный мужик в старом, потерявшем форму комбинезоне серого цвета, со множеством заплаток.

— Ну и где твой предок? — мужик сказал это, глядя прямо на меня. То ли я был для него невидимкой, то ли он заготовил эту фразу заранее, не ожидая здесь увидеть ничего, кроме швабры и гнилой картошки.

Судя по тому, как отвисла его челюсть, вторая догадка оказалась ближе к реальности. Ну что же, настал благоприятный момент для установления коммуникации с местными обитателями. Проще говоря, самое время поговорить.

— Одежду! — вообще-то, я хотел сказать совсем другое. Приказ как-то сам собой вырвался из моего рта, пока я размышлял о «благоприятных моментах» — Быстро!

Мужик попятился, споткнулся и сел на задницу в глубине коридора. Отполз за угол. После чего я услышал лишь быстро удаляющийся топот ног. Остаётся надеяться, что визитёр вернётся с одеждой, а не с дюжиной крепких ребят, которые выбьют из меня невесть откуда взявшуюся наглость вместе с мозгами.

В прошлый раз мне и троих хватило, чтобы умереть... так, я умер, а теперь жив? А, точно. Соберись, Саша!

Парнишка в промокшей одежде — в застиранном до неопределённого цвета комплекте штанов и рубахи не по размеру, с зияющими прорехами — сжался у моих ног, будто боялся, что я его съем. Я присел перед ним на корточки и похлопал по спине.

— Не бойся, парень, я не кусаюсь.

Мальчишка вздрогнул от моих слов, и сжался ещё сильнее. Может он не понимает, что я говорю?

— Эй, ты, подними голову, — для надёжности я постучал пальцем по его макушке.

Мальчишка подчинился. В по его щекам текли слёзы, губы дрожали.

— Тебя как зовут, парень? — я постарался говорить как можно мягче, но слова изо рта вылетали всё равно резко и отрывисто.

— Я... Янек.

— Янек? Будем знакомы, Янек. Меня зовут Александр.

— Я знаю, великий предок.

Вот это сюрприз.

— Ты знаешь?

— Да, великий. Вы Александр Исаак Августин Лаврофф, великий герой, объединивший север в двести сорок шестом году. Это на табличке написано, а я теперь гражданин Последнего народа, и обязан знать язык предков. Я даже писать умею, честно!

Как интересно. У меня-то о себе были совсем другие воспоминания. В которых единственная моя попытка погеройствовать закончилась... смертью? Я умер? Соберись, соберись!

От мысли о смерти поплохело. Я чуть не упал, едва сумев перебраться на лежак открытой капсулы. Я умер, без сомнения. Моя жизнь закончилась, едва начавшись. Все планы, друзья,

родственники, Анжела — всё исчезло. Анжела — что с ней стало? Вроде бы я свернул шею того ублюдка, который пырнул меня, а что с остальными?

— Великий предок Александр, ваша одежда.

Я очнулся от воспоминаний и поднялся на ноги. Янек куда-то делся, оставив после себя лишь мокрые разводы на полу. Передо мной стоял толстяк, одетый в странное подобие военной формы, увешанной побрякушками как новогодняя ёлка. Ну не вешают медали на рукава и штанины, как бубенчики! «Генерал» протягивал мне свёрток с одеждой и невысокими ботинками. Позади толстяка стояли два молодца в форме попроще, но с внушающими уважение саблями наголо. И по их позам, по тому как они держали оружие, по мелким зазубринам на заточенных лезвиях я почему-то был уверен, что эти парни не из почётного караула. Они явно умеют этими саблями пользоваться.

— Прошу, великий предок, — толстяк склонился настолько низко, насколько позволил ему выпирающий живот, — почтить своим присутствием свадебную церемонию. Невесты вот-вот придут.

Я принял из рук наряженного толстяка свёрток и расстелил одежду на поверхности капсулы. Свадьба — это хорошо. Все празднуют и веселятся. Пьют, братаются, конкурсы с тамадой устраивают, морды бьют, смыть, повторить. И самое главное, можно будет спокойно выяснить, куда же я попал.

На рай это не похоже, но для ада здесь слишком мало чертей с вилами, и слишком много кабелей в гофротрубах.

<http://tl.rulate.ru/book/96445/3299202>